

Мальмё не очень похож на шведский город во многом из-за своего расположения. Отсюда ближе до Рима, чем до северных красот, на горизонте видны огни датского берега, и если верно то, что зима тут частенько бывает мерзкая — слякотная, с пронизывающими ветрами, то верно и другое: не менее часто лето здесь стоит долгое и жаркое, в парках заливаются соловьи и запахи цветов и свежей листвы кружат голову.

Как раз таким выдался этот вечер в начале июля 1969 года. В городе к тому же было тихо, спокойно и, в общем-то, безлюдно.

Даже в большой гостинице напротив вокзала было довольно тихо. Несколько иностранцев рассчитывались с портье за жилье, швейцар, укрывшись в глубине гардеробной, безмятежно почитывал какого-то классика, а в сумраке бара виднелись фигуры двух-трех завсегдатаев, тихо переговаривавшихся между собой, и светилась белая куртка бармена.

В просторном ресторане вправо от вестибюля тоже было тихо; может, чуть шумнее. Занято всего несколько столиков, да и то молчаливыми одиночками, пианист уже ушел на перерыв. Напротив двери, ведущей в кухню, стоял официант; заложив руки за спину, он задумчиво смотрел в окно, похоже, думал о пляже, до которого не так уж и далеко.

В глубине ресторана обедала компания хорошо одетых и, очевидно, настроенных на торжественный лад людей. Стол был загроможден деликатесами, бутылками с шампанским. Но официанты тактично удалились, поскольку хозяин стола встал и начал говорить. Это был рослый, загорелый человек с сильной проседью. Говорил он тихо, хорошо поставленным голосом; чувствовалось, что это опытный оратор. Сидевшие за столом молча слушали его, и лишь один из них курил.

Через открытые окна слышались шум пронесшихся мимо автомобилей и гудки маневровых паровозов с крупной сортировочной станции по ту сторону канала; в порту коротко и резко гудел копенгагенский пароход, где-то близко, на набережной, хихикала девчонка.

Вот такой была обстановка в ту среду, вечером, примерно в половине девятого. Приходится говорить «примерно», ибо никому не удалось

установить точное время случившегося. С другой стороны, о том, что случилось, рассказать было довольно легко.

В гостиницу вошел какой-то человек, бросил взгляд на иностранцев, рассчитывавшихся с портье, свернул направо, прошел через узкий длинный вестибюль и двинулся по ресторану спокойно и уверенно, не очень быстрыми шагами. В нем не было ничего особенного, привлекающего к нему внимание, на него никто не смотрел, да и сам он тоже не оглядывался по сторонам.

Он прошел мимо электрооргана и рояля, миновал столик официанта, заставленный блестящей, как зеркало, посудой, и ряд колонн, поддерживающих потолок ресторана. Так же спокойно и уверенно он направился к столу, за которым сидела компания. Говоривший стоял спиной к нему. Не доходя примерно шагов пяти до стола, человек сунул правую руку за пазуху, и одна из сидевших за столом женщин удивленно посмотрела на него; оратор повернул голову, чтобы узнать, что же привлекло ее внимание. Бросив безразличный взгляд на подошедшего, он, не прерывая своей речи, снова повернулся к столу, и в ту же секунду пришелец вынул из-за пазухи предмет серо-стального цвета с длинным стволом, тщательно прицелился и выстрелил в голову говорившего. Звук выстрела никого

не напугал, он скорее был похож на мирный шлепок духового ружья в тире.

Пуля попала в левое ухо, и оратор упал ничком на стол, угодив щекой в картофельное пюре, изысканно уложенное вокруг тушеной рыбы а-ля Франц Суэл¹.

Стрелявший убрал оружие, подошел к ближайшему открытому окну, шагнул через подоконник в цветочный ящик, спрыгнул на тротуар и исчез.

Человек лет пятидесяти, сидевший за несколькими столиков от компании, так и застыл, поднеся стакан виски ко рту. Перед ним лежала раскрытая книга; незадолго до этого он делал вид, что читает ее.

Тот, в кого стреляли, был еще жив.

Он пошевелинулся и сказал:

— Ой, больно.

Мертвые обычно не жалуются. Кроме того, совсем не было видно крови.

¹ *Франц Суэл (1744–1818)* — шведский предприниматель немецкого происхождения, активно внедрявший на своих предприятиях машинное производство. В истории Мальмё запомнился как организатор расчистки и укрепления городской прибрежной территории. (*Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, — примеч. ред.*)

II

Пер Монссон сидел в своей холостяцкой квартире на Регементсгатан и говорил по телефону. Инспектор уголовной полиции Мальмё хоть и был женат, пять дней в неделю жил как холостяк. Только субботу и воскресенье он проводил с женой; этот порядок они установили лет десять назад, и до сих пор он устраивал их обоих.

Прижав трубку плечом к уху, он смешивал свой любимый грипенбергер¹. Жена ходила в кино и теперь пересказывала ему содержание «Унесенных ветром». Это требовало времени, но Монссон терпеливо слушал, ибо собирался отменить ее визит на выходные дни под тем предлогом, что будет занят на работе. Что было ложью.

¹ На самом деле коктейль назван в честь хорошего друга Пера Валё и Май Шеваль — финско-шведского переводчика Класа Грипенберга (1911–1976).

Часы показывали двадцать минут девятого.

Монссон весь взмок, несмотря на то что сидел в одной майке и шортах. Перед тем как подойти к телефону, он закрыл дверь на балкон, чтобы не мешал шум улицы, и, хотя вечернее солнце давно уже скрылось за крышами домов, в комнате было очень жарко.

Он помешивал свой коктейль вилкой, которую, стыдно сказать, утащил или случайно прихватил с собой в ресторане под названием «Полковник»¹. «Можно ли случайно унести вилку?» — подумал Монссон и сказал:

— Да, да, понимаю. Это, значит, Лесли Говард... Ах нет? Кларк Гейбл?² А-а...

Минут через пять жена добралась до конца, Монссон подсунул ей свою нехитрую выдумку и повесил трубку.

Телефон зазвонил. Монссон подошел не сразу. Сегодня он свое уже отработал, и с него хватит. Медленно выпил коктейль и, разглядывая темнеющее вечернее небо, снял трубку.

— Слушаю.

¹ «Полковник» (*швед.* Överstén, от överste — «полковник» и överst — «самый верхний») — панорамный ресторан на 26-м этаже башни «Кронпринц», на тот момент самого высокого здания в городе.

² Упоминаются актеры, исполнявшие главные мужские роли в знаменитом фильме. *Лесли Говард* играл Эшли Уилкса, а *Кларк Гейбл* — Ретта Батлера.

— Привет. Это Нильссон. Ну и долго же ты разговаривал. Я уже полчаса пытаюсь к тебе пробиться.

Нильссон был криминальным ассистентом и в этот вечер дежурил в полицейском участке на Давидсхальсторг.

— Ну, — вздохнул Монссон. — Что еще там стряслось?

— В «Савое»¹ стреляли в одного из посетителей ресторана. Боюсь, тебе придется туда подъехать.

Монссон приложил пустой, но еще холодный стакан ко лбу и, покатывая его ладонью, спросил:

— Он жив?

— Не знаю, — сказал Нильссон.

— А ты не можешь послать туда Скакке?

— У него выходной. Его не поймать никак. Баклунд сейчас там, но ты ведь знаешь...

— Баклунд? О'кей, тогда я сейчас же еду.

Он набрал номер вызова такси, положил трубку на стол и стал одеваться, слушая, как записанный на пленку голос механически повторяет «ждите... ждите...», пока наконец не отозвалась дежурная.

Перед гостиницей «Савой» вкривь и вкось стояло несколько автомобилей с надписью «По-

¹ «Савой» — дорогой отель в центре Мальмё, построенный в 1862 году. С 1902 года носит имя «Савой» в честь знаменитого отеля в Лондоне.

лиция», два полицейских сдерживали любопытных прохожих, толпившихся у входа.

Наблюдая за этой сценой, Монссон расплатился с шофером, сунул квитанцию в карман; ему показалось, что один из полицейских действует совсем уж бесцеремонно, и он с грустью подумал, что скоро у полицейских Мальмё будет такая же скверная репутация, как и у стокгольмских коллег. Монссон тем не менее ничего не сказал и, кивнув полицейским, прошел мимо них в вестибюль. Теперь здесь было шумно, служащие гостиницы, собравшиеся отовсюду, казалось, пытались перекричать друг друга; здесь же толпились посетители. Картину дополняли полицейские. Вид у них был растерянный: они явно не привыкли к такой обстановке.

Монссон — рослый, пятидесятилетний — был одет очень легко: рубашка навыпуск, териленовые брюки, сандалеты. Достав из нагрудного кармана зубочистку, он разорвал обертку и сунул зубочистку в рот. Пожевал, оценивая ситуацию. Зубочистка была американская и отдавала ментолом, он прихватил ее на пароме «Мальмёхус», где такого рода вещи держат для пассажиров.

У двери в ресторан стоял констебль, которого звали Элофссон и который, казалось, был обескуражен меньше других. Монссон подошел к нему и спросил:

— А что, собственно, случилось?
— Кажется, в кого-то стреляли.
— Инструкции вы какие-нибудь получили?
— Никаких.
— А Баклунд чем занимается?
— Допрашивает свидетелей.
— Раненый где?
— Наверное, в больнице. — Элофссон чуть покраснел, потом сказал: — По-видимому, «скорая» успела приехать раньше полиции.

Монссон вздохнул и вошел в ресторан.

У стола, заставленного суповыми мисками, блестящими, как серебро, официанта допрашивал Баклунд, пожилой человек в очках. Заурядной внешности. Каким-то образом ему удалось стать старшим криминальным ассистентом уголовной полиции. Баклунд держал в руках блокнот и, задавая вопросы, старательно все записывал. Монссон подошел поближе, но своего присутствия ничем не выдал.

— И в какое время это случилось?
— Примерно так полдевятого.
— Примерно?
— Ну да, точно-то я не знаю.
— Другими словами, вы не знаете, сколько было времени?
— Вот именно.
— В высшей степени странно, — сказал Баклунд. — У вас ведь есть часы, так?

— Ну, есть.

— А вон там, на стене, тоже висят часы, если не ошибаюсь?

— Да, но... И те и другие идут неверно. Кроме того, я и не думал тогда смотреть на часы.

Баклунда, казалось, ошеломил такой ответ. Отложив блокнот и ручку, он принялся протирать очки. Потом глубоко вздохнул и снова взял блокнот.

— Значит, несмотря на то что в вашем распоряжении находилось двое часов, вы не знаете, сколько было времени?

— Приблизительно знаю.

— Нам приблизительные ответы ни к чему.

— Да и идут-то эти часы по-разному. Мои спешат, а настенные отстают.

Баклунд сверил часы со своим хронографом.

— Странно, — сказал он и что-то записал.

«Что бы такое он мог записать?» — удивленно подумал Монссон.

— Итак, вы стояли здесь, когда преступник проходил мимо? Можете описать его внешность?

— Но ведь я на него и не смотрел.

— Вы не видели преступника? — поразился Баклунд.

— Видел, когда он уже перешагивал подоконник и уходил.

— И как же он выглядел?

— Не знаю. Я стоял далеко от окна, да еще колонна его загораживала.

— Вы хотите сказать, что не можете описать его внешность?

— Не могу.

— Ну а как он был одет?

— Кажется, в коричневую куртку.

— Кажется?

— Да, я ведь видел-то его только секунду.

— А что еще на нем было, кроме куртки?

Брюки, например?

— Брюки были.

— Вы уверены?

— Да, потому что иначе это было бы немножко... Ну, странно, что ли. То есть если бы он был без штанов.

Баклунд писал как одержимый. Монссон повернул во рту зубочистку и тихо произнес:

— Слышь, Баклунд!

Тот сердито обернулся:

— Я веду важный допрос... — Узнав Монсона, он сразу скис. — А, это ты?..

— Что тут произошло?

— В ресторане застрелили человека, и знаешь кого? Виктора Пальмгрена, — с ударением сказал Баклунд.

— Ах, его... — буркнул Монссон. И подумал: «Хорошенькое дело, черт бы его побрал...»

А вслух сказал: — Значит, это случилось более часа назад и стрелявший вылез в окно и исчез?

— Да, может быть, и так.

Баклунд, как всегда, сомневался во всем.

— Почему у гостиницы торчат шесть полицейских автомашин?

— Я разрешил оцепить это место.

— Что оцепить? Квартал?

— Место преступления.

— Убери отсюда всех полицейских в форме, — велел Монссон. — Для гостиницы мало хорошего в том, что в вестибюле и у входа полным-полно констеблей. Кроме того, они наверняка нужны где-нибудь в другом месте. А потом постарайся собрать приметы преступника. Ведь есть свидетели, которые видели больше, чем этот твой официант.

— Мы должны допросить всех, — сказал Баклунд.

— Допросим в свое время. Не держи здесь тех, кто не может сказать ничего важного, только запиши их фамилии и адреса.

Баклунд подозрительно посмотрел на него и спросил:

— А ты что собираешься делать?

— Звонить по телефону.

— Куда это?

— В газеты, например. Надо же выяснить, что тут случилось?

— Шутишь все, — неодобрительно сказал Баклунд.

— Вот именно, — ответил Монссон, с отсутствующим видом глядя в зал.

Там уже суетились журналисты и фотографы. Некоторые из них наверняка примчались сюда задолго до того, как явилась полиция, а кое-кто, вполне вероятно, сидел в баре или кафе как раз в момент выстрела.

— Но по инструкции... — начал Баклунд.

В этот момент в ресторан влетел Бенни Скакке. В свои тридцать лет он был криминальным ассистентом. Прежде он работал в Стокгольме в государственной комиссии по расследованию убийств, но ушел оттуда после какой-то сомнительной операции, которая чуть не закончилась бедой для одного из его начальников. Надежный и добросовестный, немножко наивный, Бенни нравился Монссону.

— Можешь взять себе в помощь Скакке, — сказал он.

— Стокгольмец, — с сомнением произнес Баклунд.

— Вот именно. И не забудь насчет примет. Это сейчас самое важное.

Монссон сунул изжеванную зубочистку в пепельницу и вышел в вестибюль к телефону.

Он быстро позвонил по пяти номерам, потом тяжело вздохнул и направился в бар.

— Бог мой, кого я вижу! — обрадовался бармен.

— Привет, — сказал Монссон, усаживаясь у стойки.

— Что будем сегодня пить? Или как всегда?

— Нет, только сок. Мне нужно подумать.

«Начало такое, что хуже некуда», — размышлял Монссон. Во-первых, Пальмгрен — фигура очень известная и значительная. Почему — сказать, конечно, трудно. Несомненно только одно: у него куча денег, он по меньшей мере миллионер. То, что в него стреляли в одном из лучших ресторанов, тоже не улучшает дело. Этот случай наверняка привлечет особое внимание. Сразу же после выстрела служащие гостиницы перенесли Пальмгрена в холл, соорудив ему временное ложе. Одновременно позвонили в полицию и в «скорую помощь». «Скорая» пришла очень быстро, забрала раненого и отвезла в больницу. Полиция же сначала не явилась. А патруль с рацией находился у вокзала, то есть в каких-то двухстах метрах от места преступления! Как это могло случиться? Правда, теперь уже известно как, но такие срывы не прибавят лавров полиции. Сообщение из гостиницы неправильно поняли: решили, что дело не спешное. Поэтому оба патрульных на вокзале устремили все свои силы на то, чтобы сцапать безобидно-

го алкоголика. Только потом, когда позвонили еще раз, целое полчище полицейских во главе с Баклундом сломя голову понеслось в гостиницу. Расследование начали вести тоже совершенно безобразно. Сам же Монссон в это время сидел и пережевывал вместе с женой «Унесенных ветром» целых сорок минут. К тому же он выпил, и ему пришлось вызывать такси. Первый полицейский явился на место преступления только через полчаса после выстрела. Что касается Пальмгрена, неясно, в каком он состоянии. В больнице его обследовали и отправили к нейрохирургу, в Лунд. От Мальмё это километров двадцать, и машина еще в пути. В этой машине и один из главных свидетелей — жена Пальмгрена. За столом она, вероятно, сидела напротив мужа и могла близко видеть лицо стрелявшего.

Теперь прошел уже почти час. Потеряно время, а ведь каждая секунда дорога.

Монссон снова покачал головой и взглянул на часы. Половина десятого.

В бар вошел Баклунд в сопровождении Скакке.

— Сидишь? — удивился Баклунд, близоручко взглянув на Монссона.

— Как с приметамы? — спросил тот. — Это надо быстро сделать.

Баклунд покопался в своем блокноте, потом положил его на стойку, снял очки и принялся их протирать.

— Вот, — быстро сказал Скакке, — что мы пока собрали. Среднего роста, худощавый, волосы темно-каштановые, зачесаны назад. Коричневая куртка, рубашка пастельных тонов, желтая или зеленая, темный галстук, темно-серые брюки, черные или коричневые ботинки. Возраст — примерно сорок.

— Хорошо, — сказал Монссон. — Разослать приметы. Перекрыть основные дороги, проверить поезда, самолеты и пароходы. Тотчас же. Я хочу, чтобы он остался в городе.

Скакке ушел.

Баклунд надел очки, посмотрел на Монссона и повторил свой бессмысленный вопрос:

— Сидишь? — Потом взглянул на стакан и добавил еще более удивленно: — И пьешь?

Монссон не ответил.

Баклунд переключил внимание на часы, висевшие на стене бара, сверил время по своим и сказал:

— Эти часы тоже идут неверно.

— Конечно, — улыбнулся бармен. — Они спешат. Это наш маленький сервис: услуга клиентам, которые торопятся на поезд или пароход.

Шеваль М., Валё П.

Ш 37 Полиция, полиция, картофельное пюре! : роман / Май Шеваль, Пер Валё ; пер. со швед. Н. Крымовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 320 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-20297-9

Май Шеваль и Пер Валё — шведские журналисты, авторы знаменитого цикла романов о комиссаре Мартине Беке, удостоенных престижных литературных наград как в Европе, так и в Америке.

Жарким летом 1969 года в Мальмё, прямо во время застольной речи в ресторане «Савой», убит видный предприниматель, миллионер Виктор Пальмгрен. Убийце удалось скрыться. Кто же стоит за дерзким преступлением? К работе привлечены спецслужбы, а на помощь полицейским из Мальмё отправляется стокгольмский комиссар Мартин Бек...

УДК 821.113.6

ББК 84(4Шве)-44

Литературно-художественное издание

МАЙ ШЕВАЛЬ, ПЕР ВАЛЁ
ПОЛИЦИЯ, ПОЛИЦИЯ,
КАРТОФЕЛЬНОЕ ПЮРЕ!

Ответственный редактор Елена Адаменко
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректор Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 18.01.2022. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 14,1.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1.
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-MBD-29148-01-R